

ДЕМОГРАФИЯ DEMOGRAPHY

ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ И УРБАНИЗАЦИИ

РЕЗЮМЕ

Смакотина Н.Л.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(119991, г. Москва, Ленинские горы, 1, Россия)

Автор, ответственный за переписку:
Смакотина Наталья Леоновна,
e-mail: smakotina@mail.ru

В статье с позиции социологического анализа рассматриваются фундаментальные изменения в устройстве общества, распределении ресурсов, выходящие за рамки постоянных процессов. Глобальные социальные трансформации отражают более глубокие формы изменений на уровне систем ценностей и структур власти. Автор статьи рассматривает наиболее заметные формы изменений на уровне социальных ролей, институтов, статусных иерархий, отражающих глубинные изменения. В статье рассматривается термин «трансформация» с позиции глубокого, фундаментального процесса структурных изменений, принципиально отличающегося от предшествующего. Новые изменения глобальной социальной реальности происходят под воздействием пандемии коронавируса, вызовов и угроз, которые проникли во все сферы жизнедеятельности людей. Приводится анализ «остановки» многообразного глобального мира, который до того момента быстро менялся, и невозможно было представить, что все страны независимо от уровня развития разногласий, борьбы будут поглощены только одним – неизвестностью, отчуждением, закрытостью. Ставятся вопросы: мировая политика изменилась из-за процессов, наполняющих её содержание, но как же она изменилась на концептуальном уровне, оказали ли современные преобразования глубокое влияние на структуру и географическое распределение населения? Если заявляется рост роли национальных государств, то как трансформировалась роль наднациональных институтов? Какое место в процессах демографических изменений, связанных с современными преобразованиями, занимает урбанизация? Справедливо ли мнение о том, что урбанизация сельского пространства бросает вызов общепринятым представлениям о том, что на самом деле означает «сельский» и что всё ещё остаётся «сельским» во многих негородских районах в богатых обществах?

Ключевые слова: глобальные социальные трансформации, глобальные процессы, глобальные города, урбанизация, демографические изменения

Статья поступила: 13.03.2022
Статья принята: 18.05.2022
Статья опубликована: 05.07.2022

Для цитирования: Смакотина Н.Л. Глобальные социальные трансформации в контексте демографических изменений и урбанизации. *Acta biomedica scientifica*. 2022; 7(3): 47-56. doi: 10.29413/ABS.2022-7.3.6

GLOBAL SOCIAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC CHANGE AND URBANIZATION

ABSTRACT

Smakotina N.L.

Lomonosov Moscow State University
(Leninskie Gory 1, Moscow 119991,
Russian Federation)

Corresponding author:
Natalia L. Smakotina,
e-mail: smakotina@mail.ru

The article, from the standpoint of sociological analysis, examines fundamental changes in the structure of society, the distribution of resources that go beyond the framework of constant processes. Global social transformations reflect deeper forms of change at the level of value systems and power structures. The author of the article considers the most noticeable forms of changes at the level of social roles, institutions, status hierarchies, reflecting deep changes. The article deals with the term "transformation" from the standpoint of a deep, fundamental process of structural changes, fundamentally different from the previous one. New changes in the global social reality are taking place under the influence of the coronavirus pandemic, challenges and threats that have penetrated into all spheres of human life. An analysis is made of the "stopping" of the diverse global world, which had been changing so rapidly and it was impossible to imagine that all countries, regardless of the level of development, disagreements, struggle, would be absorbed by only one thing – obscurity, alienation, closeness. Questions are raised, world politics has changed due to the processes that fill its content, but how has it changed at the conceptual level, have modern transformations had a profound impact on the structure and geographical distribution of the population? If the growth of the role of nation-states is claimed, then how has the role of supranational institutions been transformed? What place does urbanization occupy in the processes of demographic changes associated with modern transformations? Is it fair to say that the urbanization of rural space is challenging conventional wisdom about what "rural" really means and what is still "rural" in many non-urban areas in wealthy societies?

Key words: global social transformations, global processes, global cities, urbanization, demographic change

Accepted: 13.03.2022
Received: 18.05.2022
Published: 05.07.2022

For citation: Smakotina N.L. Global social transformations in the context of demographic change and urbanization. *Acta biomedica scientifica*. 2022; 7(3): 47-56. doi: 10.29413/ABS.2022-7.3.6

ВВЕДЕНИЕ

Социальная трансформация относится к долгосрочным изменениям в обществе на глубоком структурном уровне. Понимание социальных изменений было в центре внимания социально-научных исследований на протяжении веков.

Термин «трансформация» относится к более глубоким процессам структурных изменений, которые приводят к созданию общества, принципиально отличающегося от предшествующего. В целом она охватывает фундаментальные социальные изменения, масштаб которых отличается от мелких социальных изменений, которые люди переживают ежедневно, взлёты и падения династий и режимов, которые не влияют на общую структуру общества.

Социальная трансформация определяется как фундаментальное изменение в устройстве общества и распределении ресурсов, выходящее за рамки постоянных процессов, связанных с жизненным циклом социальных изменений, которые происходят постоянно и меняют более глубокие социальные структуры и общее функционирование общества.

Таким образом, социальные трансформации отражают общественные сдвиги на глубоком структурном уровне, фундаментальное изменение общества, которое изменяет конфигурацию существующих социальных моделей.

Социальные изменения считаются трансформацией только в том случае, если они отражают более глубокие формы изменений на уровне систем ценностей и структур власти. Более заметные формы изменений на уровне социальных ролей, институтов, статусных иерархий могут отражать более глубокие формы изменений, но это не обязательно так. Самые глубокие формы изменений – проявляющиеся в основных ценностях и структурах власти – трудно определить с помощью традиционных форм микроуровневых эмпирических исследований, которые в последние десятилетия приобретают всё большую популярность в ущерб качественному анализу макроуровневых, общеобщественных изменений структур власти и идеологий. Например, ни нефтяной шок 1973 года, ни «11 сентября», ни финансовый кризис 2008 года и последовавшая за ним Великая рецессия, ни пандемия COVID-19, похоже, не изменили коренным образом способ организации экономики и общества. Хотя в тот момент, когда они произошли, они могли показаться судьбоносными, в долгосрочной перспективе эти события не были проявлением фундаментальной социальной трансформации. Волна демократических движений, таких как «Арабская весна», с другой стороны, указывает на более глубокие изменения в обществе (такие как рост образования, доступ к информации и культурные изменения), которые усиливают стремление молодых поколений к социальной справедливости и более подотчётным и демократическим способам управления. Но только история может дать нам более определённый ответ на вопрос, являются ли такие социальные изменения фундаментальной трансформацией.

Несмотря на различие аналитических категорий, на практике социальные изменения и социальная трансформация взаимно связаны: фундаментальные изменения могут быть результатом постепенных, частичных, почти незаметных небольших изменений, которые наращивают значительный потенциал, пока накопленное напряжение не достигнет такого уровня, которое приводит к фундаментальным преобразованиям. Индивидуальные факторы, такие как идеи, личность и харизма конкретных политических и религиозных лидеров или влияние движений социального протеста, могут играть большую роль в том, что может показаться довольно радикальной трансформацией обществ. Тем не менее, революционные политические и экономические сдвиги часто становятся возможными только благодаря потенциалу, созданному предшествующими, часто более постепенными, культурными, технологическими или демографическими изменениями.

Взаимодействие между постепенными изменениями и деятельностью, идеями конкретных лидеров и социальных групп может привести к тому, что социальные преобразования будут казаться внезапными и непредсказуемыми, но при этом часто игнорируется базовый импульс, который уже накопился, обеспечивая «питательную почву», на которой относительно небольшие события или действия, идеи, речи и письма конкретных людей могут привести к довольно внезапным и революционным изменениям. Например, Карл Маркс смог стать настолько влиятельным, только потому что его анализ и критика капиталистической эксплуатации нашли отклик в жизненном опыте бедных и угнетённых. То же самое можно сказать и о чрезвычайном влиянии отдельных пророков и религиозных лидеров. Помимо их харизмы, поступков и речей, их успех также можно объяснить более глубоким недовольством, вызванным экономическими и социальными изменениями, и глубоко ощущаемой потребностью в новых системах ценностей.

Исследования будущих социальных трансформаций различными акторами проводятся в поиске новых методологических принципов, релевантно отражающих социальную реальность. С. Жижек предлагает в качестве методологии «параллаксное видение» (в физике – видимое отклонение орбит от их действительной траектории). Параллаксное видение возможно применить в качестве философского метода прогнозирования глобального развития. Применительно к социальной сфере подобный подход решает проблему разрыва между индивидуальным и «безличным» социальными измерениями [1].

Масштабы глобализации означают, что международная система может быть понята не только как отношения между государствами, но и как сеть взаимодействий, которая связывает людей вместе [2].

Социальные трансформации можно рассматривать с позиции следующих переменных: время (краткосрочные/долгосрочные); темп (медленные/быстрые); масштаб (мелкомасштабные/крупномасштабные).

Конкретное значение социальных изменений зависит в первую очередь от рассматриваемой социаль-

ной сущности. Изменения в небольшой группе могут быть важными на уровне самой этой группы, но незначительными на уровне более широкого общества. Точно так же наблюдение за социальными изменениями зависит от изученного периода времени; большинство краткосрочных изменений незначительны при рассмотрении в долгосрочной перспективе. Мелкомасштабные и краткосрочные изменения характерны для человеческих обществ, потому что меняются обычаи и нормы, изобретаются новые методы и технологии, экологические изменения стимулируют новые адаптации, а конфликты приводят к перераспределению власти.

Социальные трансформации могут развиваться из различных источников, которыми могут быть: контакты с другими обществами (трансформация в виде диффузии), изменения в экосистеме (которые могут привести к потере природных ресурсов или широко распространённым болезням), технологические изменения (промышленные революции), рост населения и миграционные процессы. Социальные трансформации также могут стимулироваться идеологическими, экономическими и политическими движениями.

Можно выделить следующие социальные трансформации, которые происходят на глобальном уровне [3].

Ослабление социальных структур. Понятие социальной структуры относится к доминирующим моделям действий и социальным отношениям, узаконенным когнитивными структурами, такими как социально поддерживаемые взгляды, представления и стереотипы. Ключевой особенностью современного общества является ослабление именно таких социальных структур. Это позволяет социальным субъектам (отдельным лицам и группам) быть более самостоятельными, пользоваться более широким спектром социально приемлемых вариантов, по возможности избегать контроля над социальными структурами и при определённых условиях изменять их легче, чем это было раньше в прошлом.

Повышение субъективности социальных субъектов. В связи с ослаблением социальных структур происходит параллельное увеличение народных (низовых) сил, т. е. их способности более свободно мыслить и действовать, а также «строить» свою собственную жизнь, проекты и самобытность. Эти тенденции можно наблюдать в любой социальной сфере. Они проявляются, когда индивидуумы и группы имеют тенденцию, например:

- обойти посреднические структуры (ассоциации, профсоюзы, политические партии и т. д.);
- сомневаться в силе, законности и авторитетности социальных институтов (включая науку);
- раскрыть себя (с точки зрения мнений, идей, личных отношений, личных чувств, интимных аспектов жизни, тела и т. д.) в публичной или полупубличной среде (как физической, так и виртуальной);
- оспаривать обычные механизмы социального контроля (например, игнорировать мнение других или отвергать устоявшиеся ценности и убеждения).

Преобразования и кризис «институтов современности». Ослабление социальных структур также влечёт за собой кризис «институтов современности», связанных

с политикой, религией, экономикой, профсоюзами, государственным управлением и наукой. Все эти институты потеряли или теряют авторитет, власть и автономию; их просят быть более прозрачными и подотчётными. Для того чтобы функционировать, они всё больше нуждаются в поддержке пользователей и граждан; чтобы управлять собой, они могут всё меньше и меньше полагаться на иерархические отношения. Некоторые учреждения оказываются неспособными противостоять влиянию растущих и всё более раздробленных требований общественности.

Более высокая подверженность большим рискам. В современном обществе профиль риска изменился. Люди всё чаще подвергаются различным рискам, таким как экологические риски, безработица, отсутствие доступа к социальной защите и пенсионным схемам или риски для здоровья. Это связано со многими факторами, в том числе с развитием науки и техники и неспособностью «обещания современности» развивать правительства, всё более способные защитить каждого от любого риска. Кроме того, так называемая «европейская социальная модель», сочетающая в себе экономический рост и высокие стандарты жизни и труда, показывает, что она не является экономически устойчивой.

Рост неопределённости и нестабильности. Неопределённость возрастает во всех сферах общественной жизни (труд, эмоциональные связи, социальная защита и т. д.) Из-за увеличения подверженности рискам, а также из-за ослабления социальных структур, которые, производя контроль над людьми, также предоставляет им социальные, психологические и физические эталонные социальные паттерны и защиту. Таким образом, чувство неопределённости представляется доминирующим характером как в социальной жизни, так и в биографическом измерении.

Увеличение веса финансовых рынков. Неопределённость и нестабильность также определяются растущим весом финансовых рынков, которые в настоящее время имеют тенденцию доминировать над индустриальной экономикой. Процесс получения прибыли всё больше и больше происходит через финансовые каналы, а не через товарное производство и торговлю. Этот процесс приводит к постепенному укреплению и автономии глобальных финансовых институтов и ослаблению способности правительств сохранять контроль над национальной экономикой. Это также повышает уровень неопределённости и нестабильности выше, чем в недавнем прошлом, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Социальная и культурная диверсификация. Изменённый баланс между субъектами и структурами привёл к сильной социальной и культурной диверсификации в обществе. Всё труднее выявлять однородные социальные группы или доминирующие модели поведения. Даже целостность личности более нестабильна, фрагментирована и непоследовательна. В то же время диверсификация способствует размножению идей, инициатив, моделей поведения и форм знаний, ускоряя социальные изменения.

Ослабление социальных границ. Все границы внутри общества ослабевают: между социальными сферами, институтами, социальными группами, культурами, дисциплинами и типами знаний, различными составляющими личной жизни, общественными и частными измерениями. Постоянно возникают новые формы социокультурной гибридизации и междисциплинарного сотрудничества.

В контексте проблем глобального управления речь идёт о фундаментально новой тенденции мирового развития, когда персонафицированная «частная» власть регулирует и государство, и транснациональную экономическую, и социальную сферы жизнедеятельности [4].

В то же время невозможно не заметить и того, что настоятельная необходимость совершенствования глобального управления обусловлена совокупностью обстоятельств. Их можно выделить по крайней мере три:

- усиление межцивилизационных противостояний в мире, которые нередко перерастают в международный терроризм, требует чрезвычайно деликатной координации действий мирового сообщества с целью постепенного и безболезненного ослабления этих противостояний;
- растущая непредсказуемость климатических изменений на планете, неопределённость мероприятий антропогенного воздействия на них, что требует неотложных управленческих действий для получения знаний о состоянии окружающей среды и принятия предупредительных мер минимизации мероприятий антропогенного воздействия;
- осложнения нестабильной мировой финансово-экономической системы, которая всё больше становится сюрреалистической (базируется не на разуме, а на интуиции), виртуальной и спекулятивной, поскольку 90 % средств (капитала), обращающихся в мире, – без участия в обороте товаров и услуг [5].

Охватить весь спектр проблем по данному вопросу – чрезвычайно сложная задача. И всё же сформулируем определяющие позиции дискурса, который имеет место в течение последнего десятилетия. Для этого воспользуемся аналитическим докладом под названием «Глобальное управление – 2025: решающий момент», который подготовили осенью 2010 года Национальный разведывательный совет США и Институт Европейского Союза по исследованиям безопасности. Он не только сосредоточен на анализе критического момента в коллективном управлении сложными глобальными проблемами, но и служит сейчас в академических кругах и экспертных средах катализатором международной дискуссии о путях развития глобальных, региональных и двусторонних институтов для решения новых глобальных вызовов, является новейшим комплексным материалом по данной проблематике, который сформирован с позиций научного подхода.

Отмечено, что первое десятилетие XXI века показало сложность международной системы через её разнородность и усиление в ней взаимозависимости. Большую взаимозависимость вызвал беспрецедентный масштаб различных задач, стоящих перед международным сообществом, – от изменения климата до борьбы с бед-

ностью, от энергетической безопасности до таких транснациональных угроз, как терроризм и нераспространение ядерного оружия. Большую разнородность вызвали два фактора: появление на политической карте мира таких новых крупных глобальных и региональных держав, как Китай, Индия и Бразилия, и динамичное развитие гражданского общества и общественного мнения в формировании политической повестки дня. В то время как общие проблемы требуют совместных действий, интересы и представления государственных и негосударственных субъектов могут существенно различаться. В этом контексте установления правил игры на международном уровне становится не только более актуальным, но и более сложным. Глобальное управление – коллективное решение общих проблем на международном уровне – находится в критическом состоянии [6]. После Второй мировой войны институты глобального управления достигли значительных успехов, но сегодня международные организации и правительства стран уже не в состоянии решить многочисленные сложные международные проблемы. Глобальное управление может быть эффективным, учитывая три фактора быстрой глобализации: экономическую взаимозависимость; взаимосвязанный характер современных мировых вызовов и переплетение внутренних и внешнеполитических проблем.

Разные страны имеют разное отношение к институту глобального управления как таковому. Учитывая разные позиции и недоверчивое отношение к глобальному управлению, которое считается западным понятием, труднее эффективно бороться с вызовами, количество которых постоянно растёт. В начале XXI века главной угрозой стали этнические конфликты, инфекционные болезни и терроризм, а также новые глобальные вызовы, в частности изменение климата, энергетическая безопасность, дефицит воды и продуктов питания, международные потоки мигрантов и новые технологии [7].

Такая поляризация мнений сохраняется вплоть до сегодняшнего дня. За последние полвека не раз менялась аргументация «за» и «против» вышеобозначенных положений, но «битва аргументов» продолжается до сих пор.

Современная система международных отношений в течение ближайшего десятилетия не будет претерпевать радикальных изменений. Никакие кризисы не окажут на неё серьёзного влияния. Система институтов, принципов, политических и правовых норм, определяющих решение проблем транснационального и глобального характера, останется неизменной.

Государства и регионы ограничат своё участие в институтах, осуществляющих глобальное регулирование, попытаются отгородиться от внешних угроз и решать свои внутренние проблемы самостоятельно. Процессы глобализации не остановятся, но значительно замедлятся.

Серьёзные угрозы для международной системы приведут государства к более тесному сотрудничеству по глобальным вопросам. Возможна существенная реформа международной системы. Роль институтов, осу-

ществляющих глобальное и транснациональное регулирование, возрастёт.

Внутренние волнения в крупнейших государствах мира, усиление националистических настроений, обострение борьбы за ресурсы и потребителей приведут к росту международной напряжённости, сворачиванию процессов глобализации и ослаблению роли институтов, осуществляющих глобальное и транснациональное регулирование.

Эпоха глобализации, которая диктовала мировую политику последних десятилетий (в плане как нарратива, так и политической практики), претерпевает качественную трансформацию. Особенным катализатором и индикатором «отката» глобализации стала пандемия COVID-19 [8].

Пандемии и заболевания, конечно, существуют и в настоящее время (известные примеры: СПИД, «свиной грипп», лихорадка Эбола), но они не становились причинами локдаунов и карантинных мер на уровне национальных государств. Ограничительные меры привели к ситуации, которой не знал глобальный мир:

- Ограничение передвижения и миграции (туризм, международное разделение труда), что приводит к процессу локализации сознания и росту роли государства в жизни человека. Это могут быть экономические факторы (социальная поддержка, рост общественных благ, поддержка бизнеса). Также немаловажными становятся политические факторы, связанные с попыткой национальных правительств осуществлять компенсаторную функцию в целях минимизации социального напряжения и конфликтогенности общества.

- Ограничение передвижения ряда капиталов. Здесь как пример можно привести запреты на экспорт ряда медицинских товаров и осознание правительствами отсутствия «медицинского суверенитета» наравне с другими важными товарами и услугами, получаемыми странами в качестве продуктов мирового общественного производства.

- Угасание транспарентности. Этот процесс характеризуется началом новой геополитической гонки государств, связанной с разработкой медицинских средств против коронавируса. Геополитика временно переместилась в информационное пространство и связывается с преобладанием социальной технологии «мягкой силы». В качестве примеров здесь выступают заявления Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки о сроках реализации программы вакцинации и эффективности препаратов. Китай, в свою очередь, пользуется другой стратегией использования «мягкой силы» в виде самой эффективной борьбы с вирусом в плане локализации и управления массами, что больше является политическим шагом, нежели разработка препарата (которая, скорее, относится к науке и технологиям).

Мировая политика изменилась из-за данных процессов, наполняющих её содержание, но как же она изменилась концептуально? Данный ответ мы можем увидеть в словах министра иностранных дел России Сергея Лаврова, чья позиция базируется на тезисе повышения роли

национальных государств в период пандемии и предсказании сохранения ими статус-кво впоследствии [9].

Действительно, национальные государства продемонстрировали свою роль во всей системе глобального управления и, более того, аргументировали своё большее геополитическое влияние относительно наднациональных институтов. Произошёл процесс ренационализации государств [10] на международной арене, они более не противопоставляются парадигмами мировой политики (реализмом или либерализмом) друг другу, а, наоборот, призваны наладить сотрудничество и взаимодействие со всеми акторами мировой политики. Это привело современный мир к пониманию того, что национальный подход к решению глобальных проблем (парадоксальная по своей формулировке модель) является наиболее эффективным.

Если заявляется рост роли национальных государств, то как трансформировалась роль наднациональных институтов? Логическое умаление их роли произошло благодаря самому характеру международных организаций. Так, например, ВОЗ имеет лишь рекомендательную функцию и не закреплена в международном праве в качестве института, осуществляющего управленческую функцию на уровне любого из государств или территорий. Общественный запрос на эффективность политики в области медицины будет лишь к национальным правительствам, а не к наднациональным органам.

Национальные правительства и элиты на этом фоне прорабатывают более жёсткие программы борьбы с коронавирусом, что по аналогии с борьбой с терроризмом в 2000-х годах может стать формальным поводом реформирования политических систем в соотношении свободы и безопасности. Пример с терроризмом показателен, ведь в результате всемирной информационной кампании национальные правительства смогли получить легитимность увеличения полномочий в правоохранительной деятельности. Даже ситуация падения уровня терроризма в конечном итоге не привела к умалению полномочий правительств, а лишь законсервировала ситуацию возможного нарушения прав и свобод человека в пользу формальной безопасности. Данный пример по аналогии говорит о том, что период постпандемии предположительно не будет характеризоваться той же степенью глобальности, которая существовала до.

Данные мировые политические процессы характеризуют настоящую конъюнктуру, национальные государства закрепили своё влияние относительно наднациональных институтов [11]. Обеспокоенность человека в данной ситуации заставляет национальные правительства проводить процесс легитимации своей деятельности как на внутривнутриполитическом поле (непопулистские политические меры, реальные управленческие решения и поддержка обществ), так и во внешней политике (новый виток информационных противоборств, связанный с геополитической борьбой государств в условиях нестабильности международных отношений).

Современные преобразования оказали глубокое влияние на структуру и географическое распределение населения. Демографические переходы и урбани-

зация являются центральными процессами демографических изменений, связанными с современными преобразованиями. Они были вызваны изменениями в других, особенно технологических и экономических, областях социальных преобразований и стимулировали дальнейшие изменения, особенно в культурной и политической сферах. Эти переходы состоят из пяти основных компонентов.

Во-первых, развитие современной медицины, а также улучшение гигиены и питания способствовали в прошлом, как и сегодня, быстрому снижению показателей смертности. Поскольку показатели рождаемости, как правило, снижаются только позже, население первоначально испытывает увеличение разрыва между рождаемостью и смертностью, что приводит к быстрому росту численности населения на ранних этапах демографического перехода.

Во-вторых, при определённом уровне дохода и образования рождаемость также начинает падать. Основная причина запоздалого характера снижения рождаемости заключается в том, что, хотя снижение смертности является прямым ответом на «технологическое» вмешательство и улучшение питания, рождаемость в гораздо большей степени определяется культурными факторами. Однако в конечном итоге такие факторы, как повышение уровня образования, формальное участие женщин в рабочей силе, увеличение стоимости образования и уменьшение потребности в детях в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве, чему способствовало быстрое распространение средств контрацепции, привели к быстрому снижению показателей рождаемости, что привело к старению общества.

Этот демографический переход продемонстрировал значительное разнообразие в различных исторических и географических условиях [12]. Современные развивающиеся страны, как правило, переживают гораздо более быстрые демографические изменения по сравнению с более ранними переходами в Северной Европе [13]. Более того, уровень стабилизации показателей рождаемости значительно варьируется в разных обществах: во многих странах Южной и Восточной Европы и Восточной Азии показатели рождаемости ниже уровня воспроизводства населения, в то время как в скандинавских странах, Франции и США показатели рождаемости сравнительно выше. Тем не менее, общая схема демографического перехода оказалась универсальной. Хотя «ни одна из двух стран не следовала одинаковым путям перехода... это разнообразие не является несовместимым с универсальностью перехода» [13].

В-третьих, демографические изменения происходят параллельно с процессами урбанизации. Урбанизацию можно определить как растущую концентрацию экономической деятельности и населения в городах и посёлках. Со времён аграрной революции городские районы всегда были центрами инноваций и всегда привлекали людей по инструментальным и экономическим, а также по внутренним причинам, связанным с образом жизни [14]. Что является новым, так это быстро растущая и преобладающая роль городов и городского образа жизни

в экономической и культурной структуре современных обществ. Урбанизация является неотъемлемой частью других процессов изменений, связанных с современными преобразованиями, особенно технологическими изменениями (механизация, инфраструктура, связь), а также с ростом капиталистической экономики, предполагающей переход от сельскохозяйственного (первичного сектора) производства к (первоначально) обрабатывающей промышленности (вторичный сектор) и (впоследствии) услуг (третичный сектор) в качестве основных источников экономического роста и занятости.

Экономия за счёт масштаба обеспечивает городским экономикам преимущества как в плане эффективности, так и в плане конкуренции [15]. Географическая концентрация фирм и людей стимулирует инновации [16] посредством обмена знаниями, что обычно требует интенсивных личных контактов [15, 17–19]. Растущее разделение труда, специализация и более высокий уровень образования также способствовали урбанизации, поскольку как среднее, так и высшее образование и специализированные рабочие места в основном обеспечиваются в городских центрах. Несмотря на явные различия в конкретном опыте урбанизации с точки зрения скорости и концентрации населения, урбанизация была признана универсальной и, следовательно, неизбежной чертой современной трансформации [20]. Хотя часто утверждается, что современная урбанизация в развивающихся странах (особенно в Азии и Латинской Америке) происходит намного быстрее, чем в Европе девятнадцатого века, Р.С. Annez и R.M. Buckley [15] рассмотрели эмпирические данные, которые, по-видимому, в значительной степени опровергают эту идею. Доля населения, проживающего в городских районах, неуклонно растёт во всех обществах мира.

В-четвертых, урбанизация тесно связана с миграцией из сельской местности в города внутри стран и за их пределами. Хотя основным источником роста городов, как правило, является естественный прирост [17], миграция из сельской местности в город является важной второй движущей силой урбанизации. Невозможно понять современный опыт миграции без понимания процессов урбанизации и наоборот. В более общем плане современная трансформация изначально приводит к увеличению мобильности всех видов [20, 21]. Хотя миграция также влияет на урбанизацию, это асимметричная взаимосвязь, поскольку миграцию необходимо в первую очередь понимать, как подпроцесс более крупных тенденций урбанизации. В значительной степени перестройка спроса и предложения на рабочую силу будет определять географическое направление миграции и квалификационный состав мигрантов. Однако будучи частично независимой силой перемен, миграция также, как правило, усиливает более масштабные и мощные процессы трансформации урбанизации, которые уже идут. Например, выездная миграция во внутренние и международные пункты назначения может стимулировать урбанизацию в сельских районах происхождения либо за счёт денежных переводов в городах, либо за счёт переселения семей

мигрантов в города и посёлки [22–24]. Большая часть миграции из сельской местности в города направлена в города внутри стран, хотя со временем сельская миграция может распространяться через границы, поскольку мигранты получают доступ к более высоким доходам, образованию и связям в международных направлениях [21, 25]. Таким образом, как миграция из сельской местности в город, так и международная миграция обусловлены одними и теми же силами социальных преобразований.

Пятым подпроцессом этих переходов является урбанизация сельского пространства как с точки зрения демографических и культурных моделей, так и с точки зрения экономической основы обществ. Согласно теориям изменения поляризации [26] и дифференцированной урбанизации [27], рост городов происходит в соответствии с определённой последовательностью децентрализации, при которой рост городов концентрируется сначала в крупных, затем в средних и, наконец, в небольших городских центрах в ходе современной трансформации. Таким образом, третьим компонентом роста городов в ходе современных преобразований является переклассификация сельских поселений в городские [28]. Это сопровождается постепенной деаграризацией сельских источников средств к существованию, при этом всё больше сельских семей получают дополнительные, не связанные с сельским хозяйством, доходы в растущих местных отраслях промышленности и сферы услуг или за счёт денежных переводов, отправляемых мигрантами. В ходе этого процесса сельские рыночные города постепенно теряют свои тесные связи с сельскими аграрными районами. Урбанизация сельского пространства имеет культурное измерение, проявляющееся в изменении образа жизни, вкусов и предпочтений, часто вместе с расширением образования и доступом к современным средствам массовой информации. Это также позволяет людям, живущим в небольших населённых пунктах, перенять «городские взгляды».

Это бросает вызов общепринятым представлениям о том, что на самом деле означает «сельский» и что всё ещё остаётся «сельским» во многих негородских районах в богатых обществах, если подавляющее большинство их населения больше не работает в сельском хозяйстве, а ездит в города и принимает «современные» культурные ценности. Эти «сельско-городские преобразования» показывают, что урбанизация влечёт за собой нечто большее, чем «рост городов», и включает в себя целый комплекс культурных и экономических изменений, которые затрагивают как «городские», так и «сельские» районы. Таким образом, демографические изменения и урбанизация тесно и взаимно связаны с культурными, экономическими и технологическими изменениями. Это ещё раз демонстрирует высокую степень взаимосвязи фундаментальных сдвигов в различных областях социальных преобразований, образующих плотную сеть изменений.

Интересным аспектом глобализации является то, что любое сообщество, будь то город или социальная общность другого плана, теперь является носите-

лем более широких интересов. Конечно, города всегда стремились реализовывать международные возможности (торговля), но именно глобальные процессы помогли им участвовать в деятельности мирового масштаба. Чтобы извлечь пользу из новых условий, города принимают участие в коллективной деятельности, а свой упадок или выход из системы глобальных установок переживают совместно с другими городами по мере изменения обстоятельств, влияющих на всех сразу [29].

Во время самого последнего цикла глобализации города стали отличаться уникальностью и специализацией. Многие из них имеют наиболее высокие уровни доходов в рамках соответствующих регионов и стремятся максимально эффективно использовать свою инфраструктуру, улучшенное качество жизни и более высокий по сравнению с крупными мегаполисами уровень безопасности и экологических показателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобализация как социальная трансформация поменяла полностью процесс урбанизации. Так, города меняются в следующих аспектах:

- Суть и структура городского сообщества: тренд агломерационного роста, формирования мегаполисов, появление сверхгородов.
- Социокультурные изменения: концепт информационного города, ставший основой человеческого сообщества в постиндустриальное время [30].
- Политическое влияние: городское пространство становится базисом формирования глобальной элиты и новых политических практик [31].

Современный глобальный город отличается рядом аспектов [32]:

- Концентрация человеческих ресурсов.
- Взаимодействие с мировым капиталом.
- Площадка для контроля капитала.
- Поляризация населения (как в рамках географии, так и в рамках экономического развития).
- Большие социальные издержки.

Города воспринимаются носителями глобальных признаков, во многом являясь «мягкой силой» процесса глобализации. Кроме этого, они выполняют вполне конкретные субъектные функции в геосоциальном пространстве, становясь движущей силой глобализирующегося мира.

Конечно, данные процессы не однонаправленны, как, возможно, это воспринималось в рамках линейного подхода к социальному развитию. Например, современная ситуация, связанная с повсеместными ограничениями, вызванными пандемией COVID-19, несколько нивелировала роль городов, поставив их под более строгое воздействие государственной политики той или иной страны.

Конфликт интересов

Автор данной статьи заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жижек С. *Устройство разрыва. Параллаксное видение*. М.: Европа; 2008.
2. Балувев Д.Г. Меняющаяся роль государства в контексте современных глобальных изменений. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2003; 1: 160-175.
3. *Beyond modern society: emerging trends*. URL: <https://toolkit.pe2020.eu/resource/beyond-modern-society-emerging-trends-b2-2> [date of access: 01.12.2020].
4. Малиновский П.В. Глобализация как цивилизационный процесс. *Россия и современный мир*. 2001; 2(31): 5-30.
5. Барлыбаев Х.А. Избранные труды. Том II. *Философская антропология, глобализация, устойчивое развитие, сознание и идентичность*. М.: Научная библиотека; 2014.
6. Егоренкова М.А. Концептуализация понятия «глобальное управление». *Вопросы политологии*. 2019; 10(50): 2203-2210. doi: 10.35775/PSI.2019.50.10.014
7. *Zopag.Com: Domain DB profile: Climate change*. URL: <http://www.climatechange.carboncapturereport.org> [date of access: 01.12.2021].
8. Biscop S. *Coronavirus and power: The impact on international politics. Security policy brief*. 2020; 126.
9. *Lavrov заявил о резком повышении роли национальных государств в условиях пандемии*. URL: <https://tass.ru/politika/8335025> [дата доступа: 01.12.2021].
10. Академики РАН о мировой экономике во время кризиса. *Научная Россия*. 29.03.2020. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/rossijskie-spetsialisty-ob-ekonomicheskikh-aspektah-pandemii> [дата доступа: 01.12.2020].
11. Campbell KM, Doshi R. The Coronavirus could reshape global order. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-couldreshape-global-order> [date of access: 01.12.2020].
12. Hirschman A. Social conflicts as pillars of democratic market society. *Political Theory*. 1994. 22(2): 203-218.
13. Kirk D. Demographic transition theory. *Popul Stud*. 1996; 50(3): 361-387.
14. Fox SR. Urbanization as a global historical process: Theory and evidence from sub-Saharan Africa. *Popul Dev Rev*. 2012; 38(2): 285-310. doi: 10.1111/j.1728-4457.2012.00493.x
15. Annez PC, Buckley RM. *Chapter 1. Urbanization and growth: Setting the context*. URL: https://www.researchgate.net/publication/238730510_CHAPTER_1_Urbanization_and_Growth_Setting_the_Context [date of access: 22.10.2021].
16. Lasuen JR. Urbanisation and development of the temporal interaction between geographical and sectoral clusters. *Urban Stud*. 1973; 10(2): 163-188.
17. Feldman M, Florida R. The geographic sources of innovation: Technological infrastructure and product innovation in the United States. *Ann Assoc Am Geogr*. 1994; 84(2): 210-229.
18. Florida R. Cities and the creative class. *City Community*. 2003; 2: 13-19. doi: 10.1111/1540-6040.00034
19. Jacobs J. *The death & life of great American cities*. New York: Penguin Books Ltd.; 1984.
20. Skeldon R. The evolution of migration patterns during urbanization in Peru. *Geogr Rev*. 1977; 67(4): 394-411.
21. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition. *Geogr Rev*. 1971; 61(2): 219-249.
22. Berriane M. Emigration internationale du travail et mirco-urbanisation dans le rif oriental: Cas du centre de Taouima (Région de Nador, Maroc). 1997. *Migration Internationale et Changements Sociaux dans le Maghreb. Actes du Colloque Internationale du Hammamet, Tunisie*. 1993; 21-25: 75-97.
23. De Haas H. The Myth of invasion. The inconvenient realities of African migration to Europe. *Third World Q*. 2020; 29(7): 1305-1322. doi: 10.1080/01436590802386435
24. King R, Skeldon R. "Mind the Gap!" Integrating approaches to internal and international migration. *J Ethn Migr Stud*. 2010; 36(10): 1619-1646.
25. De Haas H. Migration transitions: A theoretical and empirical inquiry into the developmental drivers of international migration. *IMI/DEMIG Working Papers*. 2010; 24.
26. Richardson HW. Polarization reversal in developing countries. *Pap Reg Sci*. 1980; 45(1): 67-85.
27. Geyer H, Kontuly T. A theoretical foundation for the concept of differential urbanization. *Int Reg Sci Rev*. 1993; 15(2): 157-177. doi: 10.1177/016001769301500202
28. Bloom DE, Khanna T. The urban revolution. *Finance Dev*. 2007; 44(3): 9-14.
29. Clark G. *Global cities: A short history*. Brookings Institution Press; 2016.
30. Матвеева О.Ю. Глобальные города – города, меняющие социально-культурное пространство. *Вестник науки Сибири*. 2015; 1(16): 93-97.
31. Попов Д.Г., Жабенко И.Д. Глобальный город как центр глобальных услуг. *Общество. Коммуникация. Образование*. 2018; 9(3): 23-28. doi: 10.18721/JHSS.9303
32. Friedmann J. The world city hypothesis. *Dev Change*. 1986; 17(1): 69-83. doi: 10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x

REFERENCES

1. Žižek S. *Gap structure. The parallax view*. Moscow: Evropa; 2008. (In Russ.).
2. Baluev DG. The changing role of the state in the context of modern global changes. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2003; 1: 160-175. (In Russ.).
3. *Beyond modern society: emerging trends*. URL: <https://toolkit.pe2020.eu/resource/beyond-modern-society-emerging-trends-b2-2> [date of access: 01.12.2020].
4. Malinovsky PV. Globalization as a civilizational process. *Russia and Contemporary World*. 2001; 2(31): 5-30. (In Russ.).
5. Barlybaev Kh.A. *Selected works. Volume II. Philosophical anthropology, globalization, sustainable development, consciousness and identity*. Moscow: Nauchnaya biblioteka; 2014. (In Russ.).
6. Egorenkova MA. Conceptualization of the concept "global governance". *Political Science Issue*. 2019; 10(50): 2203-2210. (In Russ.). doi: 10.35775/PSI.2019.50.10.014
7. *Zopag.Com: Domain DB profile: Climate change*. URL: <http://www.climatechange.carboncapturereport.org> [date of access: 01.12.2021].
8. Biscop S. *Coronavirus and power: The impact on international politics. Security policy brief*. 2020; 126.
9. *Lavrov announced a sharp increase in the role of nation-states in a pandemic*. URL: <https://tass.ru/politika/8335025> [date of access: 01.12.2021]. (In Russ.).

10. Academicians of the Russian Academy of Sciences on the global economy during the crisis. *Scientific Russia*. 29.03.2020. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/rossijskie-spetsialisty-ob-ekonomicheskikh-aspektah-pandemii> [date of access: 01.12.2020]. (In Russ.).
11. Campbell KM, Doshi R. The Coronavirus could reshape global order. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-couldreshape-global-order> [date of access: 01.12.2020].
12. Hirschman A. Social conflicts as pillars of democratic market society. *Political Theory*. 1994. 22(2): 203-218.
13. Kirk D. Demographic transition theory. *Popul Stud*. 1996; 50(3): 361-387.
14. Fox SR. Urbanization as a global historical process: Theory and evidence from sub-Saharan Africa. *Popul Dev Rev*. 2012; 38(2): 285-310. doi: 10.1111/j.1728-4457.2012.00493.x
15. Annez PC, Buckley RM. Chapter 1. Urbanization and growth: Setting the context. URL: https://www.researchgate.net/publication/238730510_CHAPTER_1_Urbanization_and_Growth_Setting_the_Context [date of access: 22.10.2021].
16. Lasuen JR. Urbanisation and development of the temporal interaction between geographical and sectoral clusters. *Urban Stud*. 1973; 10(2): 163-188.
17. Feldman M, Florida R. The geographic sources of innovation: Technological infrastructure and product innovation in the United States. *Ann Assoc Am Geogr*. 1994; 84(2): 210-229.
18. Florida R. Cities and the creative class. *City Community*. 2003; 2: 13-19. doi: 10.1111/1540-6040.00034
19. Jacobs J. *The death & life of great American cities*. New York: Penguin Books Ltd.; 1984.
20. Skeldon R. The evolution of migration patterns during urbanization in Peru. *Geogr Rev*. 1977; 67(4): 394-411.
21. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition. *Geogr Rev*. 1971; 61(2): 219-249.
22. Berriane M. Emigration internationale du travail et mirco-urbanisation dans le rif oriental: Cas du centre de Taouima (Région de Nador, Maroc). 1997. Migration Internationale et Changements Sociaux dans le Maghreb. *Actes du Colloque Internationale du Hammamet, Tunisie*. 1993; 21-25: 75-97.
23. De Haas H. The Myth of invasion. The inconvenient realities of African migration to Europe. *Third World Q*. 2020; 29(7): 1305-1322. doi: 10.1080/01436590802386435
24. King R, Skeldon R. "Mind the Gap!" Integrating approaches to internal and international migration. *J Ethn Migr Stud*. 2010; 36(10): 1619-1646.
25. De Haas H. Migration transitions: A theoretical and empirical inquiry into the developmental drivers of international migration. *IMI/DEMIG Working Papers*. 2010; 24.
26. Richardson HW. Polarization reversal in developing countries. *Pap Reg Sci*. 1980; 45(1): 67-85.
27. Geyer H, Kontuly T. A theoretical foundation for the concept of differential urbanization. *Int Reg Sci Rev*. 1993; 15(2): 157-177. doi: 10.1177/016001769301500202
28. Bloom DE, Khanna T. The urban revolution. *Finance Dev*. 2007; 44(3): 9-14.
29. Clark G. *Global cities: A short history*. Brookings Institution Press; 2016.
30. Matveeva OYu. Global cities are cities that change the socio-cultural space. *Vestnik nauki Sibiri*. 2015; 1(16): 93-97. (In Russ.).
31. Popov DG, Zhabenko ID. Global cities as a center of global services. *Society. Communication. Education*. 2018; 9(3): 23-28. (In Russ.). doi: 10.18721/JHSS.9303
32. Friedmann J. The world city hypothesis. *Dev Change*. 1986; 17(1): 69-83. doi: 10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x

Сведения об авторе

Смакотина Наталья Леоновна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодёжью, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», e-mail: smakotina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4253-4900>

Information about the author

Natalia L. Smakotina – Dr. Sc. (Soc.), Head of the Department of Global Social Studies and Youth Studies, Lomonosov Moscow State University, e-mail: smakotina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4253-4900>